

Трубникова Наталья Валерьевна

"КОНТРАКТ ИСТИНЫ" И ДРУГИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЛЯ РИКЁРА

Статья посвящена проблемам исторической эпистемологии Поля Рикёра (1913-2005) - теоретика современного исторического знания, чьи труды оказали решающее воздействие на развитие современной западной историографии. На основе его трудов прослеживается диалектика исторической объективности и личностной субъективности историка, проблем взаимодействия исторической науки и исторической памяти.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/1-1/55.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (15): в 2-х ч. Ч. I. С. 202-205. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

8. Кундакбаева Ж. Б. «Знаком милости Е.И.В. ...»: Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. М. – СПб.: АИРО-XXI; Дмитрий Буланин, 2005. 304 с.
9. Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
10. Лобашкова Т. А. «Отправили для Нашего интереса в Наши подданные земли...»: доношения И. К. Кирилова из Оренбургской экспедиции: 1734-1735 гг. // Исторический архив. М., 2002. № 1. С. 201-214.
11. Материалы по истории России: сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края: в 2-х т. / сост. А. И. Добросмыслов. Оренбург, 1900. Т. 1. 128 с.
12. Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи в XVII-XVIII вв. Алма-Ата: Гылым, 1991. 240 с.
13. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Оп. 17.
14. Рычков П. И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2001. 295 с.

GREAT JUZ IN RUSSIAN-KAZAKH RELATIONS ORBIT IN THE MIDDLE OF THE 1730S

Il'ya Vasil'evich Toropitsyn, Ph. D. in History
Department of Russian History
Astrakhan' State University
itoropitsyn@mail.ru

The author considers the diplomatic relations between Russia and Kazakh great juz in the middle of the 1730s, pays special attention to the conception formation of Eastern Russian policy in Central Asian direction as well as the questions related to Kazakh great juz preparation for Russian allegiance adoption and Russian - Central Asian trade development prospects and characterizes the measures taken by Orenburg expedition authorities to achieve these objectives.

Key words and phrases: Eastern policy of Russia in the 1730s; Russian-Kazakh relations; Kazakh great juz; Orenburg expedition; I. K. Kirilov.

УДК 930.1; 930.2; 930.85

Статья посвящена проблемам исторической эпистемологии Поля Рикёра (1913-2005) – теоретика современного исторического знания, чьи труды оказали решающее воздействие на развитие современной западной историографии. На основе его трудов прослеживается диалектика исторической объективности и личностной субъективности историка, проблем взаимодействия исторической науки и исторической памяти.

Ключевые слова и фразы: Поль Рикёр; историческая память; историография; герменевтика; объективность и субъективность в истории; репрезентация; дефатализация истории.

Наталья Валерьевна Трубникова, д.и.н.
Кафедра истории и регионоведения
Национальный исследовательский Томский политехнический университет
nvt@tpu.ru

«КОНТРАКТ ИСТИНЫ» И ДРУГИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЛЯ РИКЁРА[©]

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ молодым ученым - докторам наук МД-1336.2011.6.

Поль Рикёр является центральной фигурой французской исторической эпистемологии. По выражению Антуана Про, это единственный философ, «которого историки могут читать, не имея чувства, что он говорит с другой планеты» [8, р. 149]. Задолго до того, как исследователь поэтики исторического письма Жак Рансьер убеждал историков примириться со своим объектом и не уступать сиренам, которые постоянно призывают его к эвтаназии [9], Рикёр объяснял историкам, что они сами в состоянии сформировать непротиворечивое представление о своем ремесле и отстоять его легитимность. Это возможно при условии, если они отвергнут перспективу разделения историографической операции на «сциентистское» и «субъективистское» направления, потому что историк всегда вынужден балансировать между относительной объективностью и субъективностью. Этот «контракт истины» не менялся со времен Фукидида и Геродота.

В основе ремесла историка, в самой его методологической сути, лежит попытка объяснения, апеллирующая к объективности. В этом отношении Рикёр не разделяет ожесточения «Анналов» против методической школы: в истории «это в точности и есть объективность: произведение методической деятельности», то есть искусство документальной критики, преподанное в учебнике Сеньобоса и Ланглуа. Напротив, творчество Мишле, выбранное традицией «Анналов» в качестве предшественника, Рикёр наделяет другой аналитической способностью: разделять прошлое в категориях понимания (герменевтики), причинных отношений, логической дедукции, исходящей

от теории. «Понимание... в этом отношении не противоположность объяснению, более того, оно есть его дополнение и компенсация» [11, р. 26]. Некоторые комментаторы неоднократно сводили позицию Рикёра к чистой герменевтике, и во избежание ошибок в своем последнем труде [12] Рикёр постарался особенно четко проговорить свое видение истории как позиции неустойчивого равновесия между герменевтикой и сциентизмом.

Незавершенность исторической объективности с неизбежностью дополняется субъективностью историка на многих уровнях: в выборе объекта исследования, в применении схем интерпретации, в способе выделять причинные связи. Кроме того, субъективность историка вписывается в определенную историческую дистанцию, он всегда выполняет попытку перевода на современный язык, наименования того, чего больше нет, того, что было другим. В отсутствие полного соответствия возможностей языка объекту исследования он совершает усилие воображения, воссоздавая «другое настоящее», нежели его собственное, таким образом, чтобы оно стало понятным для его современников. Историческое воображение является необходимым эвристическим средством понимания в истории, проводником к объективным результатам. Наконец, пытаясь объяснить и понять себе подобных – людей, историк осуществляет встречу с другой личностью, да еще сквозь толщу времени, что делает субъективность совершенно неустранимой из ремесла историка.

Таким образом, объективность и субъективность в истории идут рука об руку, никогда не достигая полной гармонии. История всегда открыта новым интерпретациям и прочтениям, вечным неопределенным поискам смысла. Но свобода исследователя здесь не безгранична, поскольку, выходя из пространства логических построений, Рикёр вводит определенные этические рамки субъективности в истории, диктуемые «контрактом истины». Историк необходимо воодушевлять свое «Я-исследование», побуждающее использовать личный опыт и знания для достижения истины, и подавлять «Я-патетическое», диктующее эгоистичные ценностные суждения.

Эта мысль и является основной в книге Рикёра «Память, история, забвение», объясняя то отличие, которое противопоставляет историю формам письма «вымышленных» жанров. Он выделяет в историографической операции три этапа действия, в чем-то перекликаясь с мыслью Мишеля де Серто, но придает им свою тональность. В первой, «архивной» фазе история совершает разрыв с памятью, преобразуя свидетельства в документы и подвергая их процедурам внешней и внутренней критики, разоблачая фальсификации. В отличие от традиции французских герменевтиков – последователей Раймона Арона, не рассматривающих пространственные и социальные координаты укоренения историка, поздний Рикёр оценивает историю как определенный институт знания с присущими ему внутренней логикой и процедурами.

Вторую фазу Рикёр наделяет задачей объяснения и понимания. В отличие от Дильтея он считает два этих понятия неразделимыми и превосходящими по своему объему понятие интерпретации. Историк углубляет отличие своего исследования от пространства исторической памяти, мобилизуя различные объяснительные схемы, моделируя наделенные значением фактологические серии. Откликаясь на современные методологические дискуссии историков, Рикёр нашел плодотворной идею «игры масштабов», предполагающей различные уровни (от макро- до микро-) фокусировки исследования [10], чтобы выйти из ложной альтернативы, противопоставившей приверженцев события, с одной стороны, и «больших длительностей», с другой.

Третий этап историографической операции, по Рикёру, – это исследование на уровне исторической репрезентации, в этой фазе главной для историка становится проблема написания, изложения результатов исследования в форме текста.

Здесь Рикёр не ограничивается сугубо дискурсивным измерением, противопоставив изобретенное им понятие «*répresentance*» («вновь-присутствие») привычному «*représentation*» (репрезентация, «вновь-представление») [12, р. 359-369]. Данная игра слов подчеркивает неотъемлемое стремление к истине в историческом исследовании, ведь историк формирует свой предмет из ситуаций и персонажей, *реально* существовавших ранее, независимо от того, когда историк решил о них рассказать. Как и любой источник, всякий исторический текст имеет определенную «местопринадлежность» (*lieutenance*), не зависящую от тех манипуляций, которым подвергнут его исследователи. Таким образом, понятие «вновь-присутствие» отдает должное вкладу нарративистов и одновременно предостерегает против уничтожения эпистемологической границы между вымыслом и историей, напоминая об императиве истинности, который движет историческим дискурсом. Хотя сама нарратологическая традиция, развиваемая англо-американцами, стала известна во Франции во многом благодаря Полю Рикёру, именно он наиболее ясно обозначил предел, где исследования нарративов, синтаксисов и текстуальных процедур уступают свое место исследованию в широком смысле социальных практик.

Утверждая и убедительно доказывая во «Времени и рассказе», что историк не в состоянии освободиться от нарративной формы изложения своих результатов, Рикёр рассуждает даже не о дискурсе, но о «четырёхугольнике дискурса»: говорящего, создающего данное событие речи; его собеседника, что отсылает к диалогической природе любого дискурса; определенного смысла, которым нагружен дискурс; и, наконец, предмета обсуждения, внешнего по отношению к дискурсу. Однако интерес к процедурам письма и важность поэтики текста, «нарративная идентичность истории» совсем не отменяют у Рикёра первостепенного для историка стремления к объективности, которое является главным средством для противостояния всем формам фальсификаций и манипуляций прошлым.

Одной из постоянных тем в творчестве философа является идея «дефатализации» истории. Вопреки традиционной для историка склонности объяснять совершающиеся события ретроспективной и, как правило, простой логикой причинно-следственных отношений, проект будущего, в действительности, является всегда открытым и неясным. На его становление влияют множество случайных факторов и определенный «горизонт ожидания» со стороны живущих поколений. Пространство опыта и видимые перспективы взаимно

обуславливаются, образуя вечную «поколенческую трансмиссию смысла» [13, р. 399], конструируя новое понимание исторического времени.

Располагаясь внутри солидной герменевтической традиции, Рикёр заимствует из феноменологии Гуссерля и доносит до историков понятие «интенциональности», исторической преднамеренности, «которая обеспечивает саму преемственность длительности и сохраняет себя в другом». Огромным эвристическим потенциалом Рикёр наделял труд Х.-Г. Гадамера «Истина и метод», откуда заимствовал тему «бытия-определенного-прошлым», или, перефразируя Гадамера, осознания бытия, подвергнутого действительности истории» [1, с. 356-357]. Любое настоящее складывается из того, что мы переживаем сами, и из того, что реализует ожидания прошлого.

Таким образом, историку следует встать на позицию «критического реализма», чтобы сформировать методологию, которая будет поддерживать обоснованную способность истории анализировать реальность, внешнюю для дискурса [2, р. 297].

В дискуссиях 2000-х гг. П. Рикёру по-прежнему отведено центральное место. Так, в рецензии на коллективную монографию «Значение и репрезентация в истории», вышедшую под редакцией Й. Рюзена [7], рассуждая об уроках постмодернизма, Г. Иггертс оспаривает утверждение первого о том, что восприятие истории в современном мире может быть в целом сведено к проблемам исторической памяти, находящейся на подъеме, упоминая об исследованиях П. Рикёра, указавшего на важность забвения и избирательность памяти [4].

В непосредственной идейной связи с интеллектуальным наследием П. Рикёра, современные теоретики экспериментируют и с понятием «историчность», в которое вкладывают специфическое восприятие связи времен в каждую конкретную эпоху [3]. Историчность позволяет по-новому осмыслить проблему событийности как движения с множеством возможностей и без предугадываемого результата. Историческая семантика, или «история понятий», вдохновленная Рейнхардтом Козеллеком [6], стимулирует развитие данной тенденции исследований.

В рамках исторической семантики рассматривается сфера человеческого действия вне привычных причинно-следственных цепочек, событийная канва становится главным посредником, который помогает выделить передаваемые от поколения к поколению символические формы. По Козеллеку, каждое событие располагается между «пространством опыта» и «горизонтом ожидания» живущих поколений, являясь звеном в процессе непрерывной работы над символическими формами опыта. Недостаточно описать событие, как это делается в традиционной исторической модели, необходимо выявлять сами «условия возможности» событийности. Базовые основы исторического опыта коренятся в смыслообразующих исторических терминах (таких как «культура», «революция», «промышленный переворот» и т.д.), которые одновременно обладают структурирующей способностью и сами были порождены конкретными ситуациями. Эти понятия, носители человеческого опыта и ожидания, являются выражением «специфической связи с языком, начиная с которой они влияют на каждую ситуацию и события, где они проявляются» [Ibidem, р. 264]. Вопреки кажущемуся, исторические понятия не сводятся к области чистой риторики и не являются простым инструментарием классификации. Они вписаны в пространство опыта, в котором они рождаются, становятся частью языка и постепенно обесмысливаются, обрстая множеством смысловых нюансов. Козеллек, как и Рикёр, не утверждает полного слияния истории с языком, отмечая, что исторические процессы не ограничиваются их дискурсивным измерением: «История не совпадает никогда полностью со способом, которым ее схватывает язык и формулирует опыт» [Ibidem, р. 195].

А. Шинкель, развивая идеи П. Рикёра и Р. Козеллека, отмечает непроясненное использование ими категорий «опыт» и «ожидание», в результате чего путается их метаисторическое и историческое значение и не получают должного внимания поддающиеся статистическому исчислению «непрерывные» элементы истории. Наряду с категориями опыта и ожидания автор предлагает ввести третью категорию – воображение – как промежуточную основу между опытом и ожиданием [15].

Е. Руниа, в продолжение идеи Рикёра о недискурсивном измерении истории, противопоставляет «репрезентационализму» (representationalism) эпохи постмодерна невербальное «присутствие» (presence) прошлого в настоящем. Присутствие прошлого воспринимается не через сознательное усилие историка или явную метафору текста, но обнаруживает себя в том, что «история и текст содержат, несмотря на намерения историка» [14, р. 1].

Интеллектуальный диалог современных историков с мыслителем П. Рикёром обещает еще много неисследованных возможностей.

Список литературы

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы филос. герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
2. Delacroix C., Dosse F., Garcia P. Les courants historiques en France. Paris: Armand Colin, 1998. 322 p.
3. Hartog F. Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps. Paris: Seuil, 2003. 262 p.
4. Iggers Georg G. A Search for a Post-Postmodern Theory of History // History and Theory. 2009. Vol. 48. Iss. 1. P. 122-128.
5. Koselleck R. L'expérience de l'histoire. Paris: Éd. de l'EHESS, 1997. 248 p.
6. Koselleck R. Le Futur passé: contribution à la sémantique des temps historiques. Paris: Éd. de l'EHESS, 1990. 334 p.
7. Meaning and Representation in History / ed. by J. Rusen. N. Y. – Oxford: Berghan Books, 2006. 274 p.
8. Prost A. Mais comment donc l'histoire avance-t-elle? // Le Débat. 1999. № 103. P. 148-153.
9. Rancière J. Les Noms de l'histoire. Paris: Le Seuil, 1992. 213 p.

10. Revel J. Jeux d'échelles. La micro-analyse à l'expérience. Paris: Hautes Études; Gallimard; Éd. du Seuil, 1996. 243 p.
11. Ricoeur P. Histoire et Vérité. Paris: Éd. du Seuil, 1955. 330 p.
12. Ricoeur P. La Mémoire, L'Histoire, L'Oubli. Paris, 2000. 675 p.
13. Ricoeur P. Temps et récit: 3 tomes. Paris: Seuil, 1983-1985. T. 1.
14. Runia E. Presence // History and Theory. 2006. Vol. 45. Iss. 1. P. 1-29.
15. Schinkel A. Imagination as a Category of History: an essay concerning Koselleck's concepts of *Erfahrungsraum* and *Erwartungshorizont* // History and Theory. 2005. Vol. 44. Iss. 1. P. 42-54.

“CONTRACT OF TRUTH” AND OTHER MODERN HISTORIAN’S COMMITMENTS IN THE LIGHT OF PAUL RICOEUR’S RESEARCHES

Natal'ya Valer'evna Trubnikova, Doctor in History
Department of History and Regional Studies
National Research Tomsk Polytechnic University
nvt@tpu.ru

The author considers the problems of the historical epistemology of Paul Ricoeur (1913-2005) – the modern historical knowledge theorist, whose works had decisive influence on modern western historiography development and shows the dialectics of historical objectivity and a historian's personal subjectivity, the problems of historical science and historical memory interaction, basing on Paul Ricoeur's works.

Key words and phrases: Paul Ricoeur; historical memory; historiography; hermeneutics; objectivity and subjectivity in history; representation; defatalization of history.

УДК 947.084.63

В статье рассматривается механизм подбора и расстановки управленческих кадров, раскрываются противоречия между курсом на развитие элементов хозрасчета и централизованным планированием. Автор акцентирует внимание на проблемах, с которыми сталкивались руководители предприятий: отсутствие должного финансирования, постоянный страх за свое будущее в условиях массовых кампаний по борьбе с вредительством. Показывается, что постоянная ротация руководящего состава и низкий квалификационный уровень многих управленцев часто сдерживали развитие пищевых предприятий.

Ключевые слова и фразы: единоначалие; планирование; хозрасчет; кредитная реформа; оборотные средства; ротация руководящих работников; вредительство; финансовые нарушения; дефицит управленцев.

Сергей Геннадьевич Филатов, к.и.н.

Кафедра экономики, управления и природопользования

Российский государственный социальный университет (филиал) в г. Пензе

filatov_sg@mail.ru

УПРАВЛЕНИЕ ПИЩЕВЫМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ ПОВОЛЖЬЯ В 1930-Е ГОДЫ[©]

В период индустриализации организационная структура управления пищевой промышленностью подвергалась многочисленным изменениям, целью которых было обеспечение наиболее эффективного функционирования первичного звена управленческой вертикали – предприятия.

В первые годы индустриализации одной из основных проблем в руководстве предприятиями было недостаточное разграничение полномочий в рамках «треугольников» (директор предприятия, секретарь парткома и председатель фабрично-заводского комитета). Поэтому постановление ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1929 г. «О мерах по упорядочению управления производством и установления единоначалия» укрепляло позиции директоров предприятий [31, с. 125]. Однако и в 1930 г. отмечались случаи разногласий внутри «треугольников», «углы» которых, «недопонимая значения единоначалия, работали несогласованно» на Жигулевском пивоваренном, Пензенском спиртоводочном заводах [7, д. 68, л. 19; 14, д. 4, л. 29].

Проводимая в начале 1930-х годов реорганизация системы управления предусматривала перевод большинства предприятий на хозяйственный расчет, который, опираясь на использование экономических рычагов воздействия, должен был стать методом планового руководства во всех звеньях промышленности. Углублению хозрасчета должна была способствовать кредитная реформа, завершившаяся постановлением Совета труда и обороны от 23 июля 1931 г. «Об оборотных средствах государственных объединений, трестов и других хозяйственных организаций», по которому с 1 ноября 1931 г. каждому предприятию были открыты два счета: расчетный счет для собственных оборотных средств и ссудный счет для заемных средств [39, ст. 316].

Реализация указанного положения в Поволжье натолкнулась на некоторые препятствия. Часто возникала ситуация, когда пищевые предприятия, например, дрожжевой завод и завод фруктовых вод в г. Пензе